

© 2017 г.

Б.С. ЭБЗЕЕВ

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ВЛАСТЬ И СВОБОДА: ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И КОНСТИТУЦИОННОЕ УСТРОЕНИЕ

Эбзеев Борис Сафарович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия) (E-mail: ebzeev_bs@mail.ru).

Ebzeev Boris S. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honored worker of science of the Russian Federation (Moscow, Russia) (E-mail: eb-zeev_bs@mail.ru).

Аннотация: в статье выявляются идейные истоки Великой российской революции и их влияние на становление советского типа конституционализма. Раскрыты особенности принесенной Революцией модели организации государственной власти и ее взаимоотношений с индивидом.

Abstract: the article identifies the ideological origins of the Great Russian revolution and their influence on the formation of the Soviet type of constitutionalism. The features introduced by the Revolution of the model of organization of state power and its relationship with the individual.

Ключевые слова: Великая российская революция, конституция, диктатура пролетариата, права и свободы.

Key words: the Great Russian revolution, Constitution, dictatorship of the proletariat, rights and freedoms.

Социализм в России не возник бы, а возникнув, не достиг бы такого развития, не увлек бы множество людей, ведомых сильными умами, если бы не отвечал запросам эпохи. Россия в начале XX в. была единственной в Европе монархией, которая никак не восприняла конституционные идеи Французской революции в области прав человека, а также участия народа во власти. Именно эти два ключевых вопроса переживаемой страной эпохи — власть и свобода — слишком долго находились в нашей стране на периферии государственного устройства, чтобы вдруг не оказаться в центре общественного внимания. Верховная власть, оказавшаяся не способной ответить на вызовы времени, во многом сама спровоцировала социальные катаклизмы, вылившиеся в Великую российскую революцию.

Революция была движима неведомой дотоле Российскому государству задачей — дать свободу народу, несшему в течение всей отечественной истории неимоверные тяготы во имя государства, и добиться справедливого устройства общества, свободного от пороков капитализма. Возможно, именно поэтому совершенные под ее сенью преступления кажутся менее терпимыми, чем совершенные в иные исторические эпохи.

История нигде и никогда не творится без зла и насилия, но контраст между целями и средствами, вынужденными обстоятельствами либо использовавшимися для поддержки собственного

существования, оказался слишком велик, чтобы не бросить тень на цели Революции. Как раз в этой связи было бы справедливо разграничение того, что принадлежит собственно Революции и что ей не принадлежит, но ответственность за это относят на ее счет, поскольку вызвано именно ею.

Этим обусловлена необходимость содержательной методологии исследования события действительно всемирно-исторического масштаба и закономерностей, которые его породили. Однако юристы часто берут исторические события, как они есть, тщательно изучают их соотношение, но не пытаются проникнуть в тайну причинности и бытия. В результате остается плод бессознательного реализма, не способный дать верной исторической картины.

Между тем факты, отделенные друг от друга многими десятилетиями, укладываются в общую закономерность только тогда, когда сохраняются вызывающие их обстоятельства. Таким обстоятельством, предопределившим развитие советской государственности и установленного ею правопорядка, является Великая российская революция; в свою очередь, история практического конституционализма на советском этапе государственной бытийности России и его сущностные характеристики самым тесным образом взаимосвязаны с историей КПСС и ее программными документами. Эта взаимосвязь в процессе развития созданного Революцией

государства не только не ослабевала, но, напротив, усиливалась по мере слияния партии с государством, изначально выступавшим инструментом реализации партийной политики; что же касается Конституции, ее назначение на всех этапах советского государственного строительства заключалось в том, чтобы объединить общество в созидании нового социального строя, этапы строительства которого определялись сменявшими друг друга программами Коммунистической партии. Партийностью государства предопределялись природа публичной власти и характер ее взаимоотношений с обществом, равно как масштабы индивидуальной свободы и ее предназначение, установленные в советских конституциях.

* * *

К. Маркс учил, что “теория становится материальной силой, как только она овладевает массами”¹. Действительно, теория, воспринятая тем или иным обществом, способна оказать на него огромное влияние. Такое восприятие, однако, часто бывает различным и в большей мере зависит от истории народа, путей его цивилизационного развития и тех духовно-нравственных и культурных принципов, на которых зиждется общество. Сама же теория неизбежно адаптируется к условиям народной жизни.

Российскую социал-демократию принято считать прямой наследницей теории научного социализма, которая задолго до возникновения социал-демократического движения в России одержала победу в западноевропейском рабочем движении. Ее предшественниками в России, как говорил В. И. Ленин, “выступали Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов”². Народниками были осуществлены и первые переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на русский язык, явившиеся идейно-теоретической базой, на которой выросла российская социал-демократия. Именно марксизм — один из главных источников революционного мировоззрения в России. Возникновение первой марксистской организации в отечественной истории связано с образованием в Женеве в 1883 г. группы “Освобождение труда”, основатели которой (Г. В. Плеханов,

В. И. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов), в прошлом члены народнического общества “Черный передел”, заявили, что они порывают с народничеством. Началось постепенное превращение марксизма в главный фактор духовной жизни мыслящей части страны.

И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Л. Фейхтвангером дополнял этот ряд указанием, что российские социал-демократы — “наследники старых демократов — французских революционеров, германских революционеров, наследники, не оставшиеся на месте, а поднявшие демократию на высшую ступень”³.

В действительности наследодателей оказалось значительно больше. Социал-демократическая идея не могла остаться в стороне от общей тенденции, выражавшейся в характерном для XIX в. возрастании в российском обществе интереса к европейской философии, социологии, юриспруденции. Социал-демократическая мысль причудливым образом синтезировала в своем содержании различные (порой кажущиеся несовместимыми) взгляды и представления; одни из них выросли из отечественной социальной и государственно-правовой традиции, другие были заимствованы. Несомненно влияние на социал-демократическую мысль России немецкой философии и юриспруденции, французской социологии и трудов политических писателей, в том числе периода борьбы с абсолютизмом, особенно актуальных в качестве мировоззренческой системы в связи с многочисленными пережитками феодально-крепостнических порядков, унаследованными Россией от прошлого. Притом, однако, что РСДРП была нужна не наука сама по себе, а идеология, которая эксплуатировала предшествующую социальную науку, адаптируя ее выводы к собственным потребностям и преследуемым взявшим верх крылом российской социал-демократии — большевизмом — целям.

Пожалуй, наиболее узнаваемой чертой, общей для, казалось бы, разных социальных и политических теорий, оказавших влияние на социал-демократическую мысль России, сближающей их между собой, выступает примат коллективного в организации социума. Логическим следствием такого примата является доказательство исчезновения противоположности между индивидом и государством, обоснование которой было характерно для индивидуалистических теорий XVIII в.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 25. На обелиске, открытом в Александровском саду в октябре 1918 г., помещался список 19 социальных мыслителей и политических деятелей, утвержденный В. И. Лениным. Но в этом перечне имен, открываемых К. Марксом и Ф. Энгельсом и завершающемся именами М. А. Бакунина, Н. Г. Чернышевского, Н. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Г. В. Плеханова, нет ни А. И. Герцена, ни В. Г. Белинского.

³ Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М., 2009. С. 596.

В частности, в уверенности большевизма в своей способности единовременного и окончательного преодоления в пределах объективированного природно-исторического мира противоположности личности и общества и выборе способа такого преодоления отчетливо просматриваются позитивистская социология О. Конта и органическая теория государства и права — этого, по замечанию видного русского государствоведа Н. Н. Алексеева, “поголовного увлечения политиков и государствоведов в первой половине XIX века”, для которой индивид существует только как член высшего организма, и это должно приниматься в качестве “естественно-необходимого факта”. Причем решение проблемы виделось не в поиске рациональной модели взаимодействия личности и общества, но в утрате индивидом реального бытия; интересы и благо личности, как и индивидуальная бытийность, поглощаются общественным целым, высшей формой которого выступает государство.

Российская социал-демократия питалась философией, уже преодоленной Западной Европой. Именно органическая школа, пусть и существенно переработанная в конце XIX — начале XX в., была особенно близка российской социал-демократии своим основным тезисом, что общественное целое “первее” личности. Этот тезис сочетался с пониманием государства как более или менее искусственной связи между отдельными социальными единицами. Однако если последователи органицизма видели социальную целостность в государстве, то русские марксисты — в классах и противопоставляли эту целостность “эксплуаторскому государству”.

К этатизму они пришли позднее. Теперь же — монизм против дуализма, неприятие противопоставления государства и индивида, поскольку преодолены присущие эпохе социальные антагонизмы. Наиболее последовательно эти воззрения нашли выражение в классовой теории государства, в котором отдельный индивид вне исторической эпохи не существует; человек есть часть великого социального целого — пролетариата, а позднее — социалистического государства. Именно государство — главная форма коллективности, выразитель высшей воли, которая и обладает способностью свободного выбора. Субъектом свободы является государство, но не человек. “Существо государственного соединения заключается в том, что оно содержанием своим имеет властное осуществление общей воли. Субстанцией государства является общая воля, которая внешнего проявления достигает в организован-

ной силе. Задача государства сводится к сознательной целевой деятельности”⁴.

В своей гипертрофии коллективизма социал-демократическая мысль тесно смыкалась не только с представлениями Гегеля и целой плеяды органицистов, в том числе Г. Спенсера, П. Ф. Лилленфельда, А. Шефле, Р. Вормса и др., равно как и с этическими учениями эпохи, но даже с ницшеанством и адептами естественно-правовой доктрины, особенно Ж.-Ж. Руссо, “Общественный договор” которого оказал на нее, как порой полагают, в чем-то, возможно, даже большее влияние, чем “Капитал” Маркса⁵. Идеология социализма в своем стремлении нарисовать целостную картину общества эксплуатировала предшествовавшую Революции философию, приспособлявая ее к своим практическим целям, разумеется, с учетом того, что место “третьего сословия” — буржуазии — занял пролетариат.

Это едва ли можно объяснить исторической случайностью. В частности, будучи истинным представителем политических стремлений XVIII и XIX вв., Руссо в своих взглядах на будущее политического строя был во многом действительно созвучен вышедшему позднее на политическую арену марксизму. Его приверженность революции как способу свержения тирании, народному суверенитету, всецело подчиняющего личность общей воле, в которой она растворяется, равенству не только юридическому, но и социальному, возможному лишь на основе имущественного уравнения, неприятию частной собственности на землю, уничтожающая критика современного ему государства как формы господства богатых над бедными и вера в его низвержение силой народа и т.п. — эти и другие мотивы его произведений оказали на практику становления политической системы социализма, особенно на начальном этапе его развития в России, даже большее воздействие, чем собственно марксизм в его чистом виде.

Российской социал-демократии было близко руссоистское понимание демократии, совпадающее с понятием демократической формы

⁴ Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории права. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919. С. 101, 115.

⁵ Еще в 1896 г. Г. Моска (1858–1941), которого часто называют основоположником европейской политологии, писал, что создателем современного социализма считается К. Маркс, но “на самом деле его интеллектуальным и моральным отцом был Руссо. Выдающихся последователей, продолжающих дело основателя, нельзя путать просто со сторонниками...” (см.: Моска Г. Правящий класс / Пер. с англ. и прим. Т. Н. Самсоновой // Соц. исследования. 1994. № 12. С. 110).

правления, т.е. понятием непосредственного народоправства, соединяющего законодательство с исполнением. Это понимание основывалось на принципе политического монизма общества и социального равенства его сочленов, а также на соединении в каждом гражданине властвующего и подвластного путем всеобщего участия в народном собрании. И уж совсем подарком для большевизма как течения общественной мысли была концепция *volonte generale* Руссо, той “общей воли”, формулируемой государством, которая не совпадает с “волей всех” и через которую только и может проявляться верховная власть народа. Именно в ней самые верные последователи апостола Французской революции, якобинцы, искали основания провозглашенной ими в Декларации прав человека и гражданина 1791 г. “неделимости, неотчуждаемости и непогашаемости по давности суверенитета народа”, который “никогда не может осуществляться во всем его объеме какой-либо частью народа, а народом в целом”, а российская социал-демократия обосновывала “самодержавие народа”. Но если те же якобинцы смягчили теорию общественного договора провозглашением всеобщего активного и пассивного избирательного права, срочностью всех публичных должностей и ответственностью их носителей, то мы в течение многих десятилетий оставались приверженцами плебисцитарных выборов, сводившихся к одобрению народом “генерального курса”.

Маркс, в отличие от Руссо, не рисовал картину политического строя будущего. Он твердо знал, что, “покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен принять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен”⁶. Маркс ограничивался в основном указанием на те течения, которые подготавливали будущее общество. Но в отношении политических форм этого общества будущего был очень осторожен. Он отрицательно относился к “чистой” политике и был равнодушен к учреждениям и институтам, которые, казалось бы,

более всего способствуют развитию демократии, а именно — всеобщему избирательному праву.

Это равнодушие предопределялось логикой самого научного социализма: когда победившая революция уничтожит борьбу между государствами и ниспровергнет класс эксплуататоров, права человека и гражданина станут излишними, как станет излишним само государство, оно отомрет. Но до этого — слом буржуазного государства с его военно-полицейской и бюрократической машиной и государство нового типа, прообразом которого марксисты считали просуществовавшую 72 дня Парижскую коммуну 1871 г.

Парижская коммуна рассматривалась как первый опыт государства диктатуры пролетариата, которая научным социализмом представлялась как высшая форма демократии — демократии пролетарской, покончившей с буржуазным парламентаризмом и разделением властей и основывающейся на выборности, ответственности и сменяемости всех должностных лиц и коллегиальности управления. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом многократно обращался к опыту Парижской коммуны и В. И. Ленин. Он считал, что Советы — “власть *того же типа*, какого была Парижская коммуна 1871 года”, а “русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса”⁷.

Сюжетная линия, однако, на этом не кончается. Осмысление сущности Советов, действительно совпадающих по типу с Парижской коммуной, ставят их в контекст, имеющий недвусмысленный руссоистский оттенок. В самом деле, плебисцитарные выборы, выражающие “волю всех”, в процессе которых избираются делегаты, всецело связанные волей их избирателей, а не депутаты, обладающие собственной волей, неприятие всякого инакомыслия, гарантируемое правом отзыва,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 611.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 56; Т. 31. С. 146; Т. 35. С. 261. Тезис о необходимости слома буржуазного государства и его замене государством принципиально нового типа был впервые сформулирован Марксом в 1852 г. в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”. В апреле 1871 г. он писал своему другу Л. Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего “Восемнадцатого брюмера”, ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте». «Как раз в этом, — отмечал автор письма, — и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 172).

строго иерархическая организация публичной власти, выражающей уже государственную волю, т.е. *volonte generale*, не совпадающую с “волей всех”, которая имеет “право на все” и не ограничена правами человека или разделением властей с присущими последнему “сдержками и противовесами”, — продолжение традиции якобинской диктатуры, которая черпала политическое вдохновение в “Общественном договоре”.

Впрочем, главное заключается в вопросе не о приоритете Руссо или Маркса и даже не в политической форме, которую обретет будущее общество: теория марксизма дополнила принцип политической централизации, обосновывавшийся автором “Общественного договора” и вполне соответствующий разным представлениям о демократии, требованием также экономической централизации. Маркс привнес в социальную науку отождествление человека с хозяйствующим субъектом, т.е. определенной экономической единицей, роль которой ограничивалась его производственной функцией. Главное — в господствующем способе производства и доминирующих в обществе отношениях собственности, неизбежно ведущих к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, хотя (истины ради) заметим, что понятие диктатуры пролетариата нечасто встречается в богатейшем литературном наследии К. Маркса. В огосударствлении собственности и экономики в целом, составляющих базис будущего общества, — объективное основание отказа от свободы в традиционном для индустриального общества ее понимании как свободы человека в его индивидуальном самоопределении и гарантии от государственного вмешательства в сферу автономии личности.

Как раз в этом взгляды Руссо и Маркса в конечном счете вполне совпадали. Им самим, а главное — последователям долгое время были чужды представления о возможности иной свободы, кроме той, которая состоит в неограниченном подчинении индивида общей воле народа, притом что само понятие “народ” в их понимании включало лишь те слои населения, “которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества”. Но если в одном случае эти взгляды выводились из принципа народного суверенитета, то в другом — покоились на способе производства и форме собственности, которые неизбежно должны были прийти на смену капитализму.

Иными словами, большевизм, никогда не признавая этого открыто, соединил воедино Руссо

и Маркса. Его не смутило, казалось бы, вполне либеральное понимание “Общественного договора”, воплощающего социальный мир, свободу и политическое согласие, как его воспринимали современники. Большевистская партия оказалась прозорливей большинства из них. Она разглядела за пасторальными картинами Руссо новый абсолютизм, приходящий на смену монархии, — основанное на “единстве воли” “самодержавие народного суверенитета”, атрибутивным свойством которого выступало нескрываемое социальное насилие⁸.

Но, в отличие от Руссо, как, впрочем, и многих других политических писателей, в учении научного социализма, как он был сформулирован его наиболее выдающимися представителями, личность оказалась не только растворена в народе, но она одновременно есть явление, подчиненное способу производства и форме собственности. Человек не есть причина, но следствие. Его юридическая свобода определяется сообразно потребностям производства. Что же касается политической свободы, она предоставляется личности в той мере, в какой эта свобода употребляется для поддержки данного способа производства и всемогущего государства, являющегося монопольным собственником средств производства.

* * *

Россия вошла в XX в., имея налицо все признаки, присущие монополистическому капитализму. При этом значительно сохранялись феодально-крепостнические пережитки. В силу этого в данный период отечественной истории одновременно развивались два крупных общественных конфликта — между условиями и потребностями индустриального общества и давно устаревшими феодально-крепостническими отношениями, с одной стороны, и трудом и капиталом, развивавшимся в рамках собственно промышленного капитализма, — с другой. Причем первый из них имел наиболее глубокий и острый характер.

В этой связи на передний план действительно выступала борьба за устранение остатков крепостничества и установление демократии в ее традиционном для Западной Европы понимании в процессе буржуазно-демократического переустройства общества. Причем уже на этом этапе исторического развития России большевистская

⁸“Мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не можем” (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 308).

партия во главе с В. И. Лениным рассматривала буржуазно-демократическую революцию лишь как часть революционного процесса, программируя дальнейшее ее развитие и переход к борьбе за диктатуру пролетариата и утверждение социализма; что же касается демократических институтов, они выступали не целью, а средствами такой борьбы.

Самым значительным из пережитков докапиталистических порядков российские социал-демократы считали сохранение самодержавия. “По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата”, — утверждалось в первой Программе РСДРП, принятой в 1903 г.⁹ Поэтому предусматриваемые ею меры сочетали в себе задачи общедемократической борьбы против абсолютизма за замену его демократической республикой с борьбой за социализм. Этим предопределялся двоякий характер программных требований РСДРП: одни из них были обусловлены конкретной исторической обстановкой и носили преходящий характер, другие составляли содержание генерального направления политики партии и с большей или меньшей степенью определенности отражались в конституционном законодательстве Советского государства на всех этапах его развития¹⁰.

В ходе подготовки Программы РСДРП, принятой в 1903 г., В. И. Ленин убеждал, что новое общество будет создаваться “для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* членов общества”¹¹. В качестве основных экономических и социальных предпосылок осуществления этой цели были названы ликвидация частной собственности на средства производства и обращение ее в общественную, введение планомерной организации общественно-производительного процесса и уничтожение деления общества на классы. Тем самым формулировались теоретические основы будущего

государствления общества, в котором для персонализации человека не оставалось пространства.

Но своей ближайшей политической задачей партия поставила низвержение царского самодержавия. На смену монархии должны были прийти демократическая республика, конституция которой обеспечила бы прежде всего “самодержавие народа, т.е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату”, и демократические права и свободы граждан. Так определялась Программой ближайшая цель партии (“программа-минимум”).

На этом этапе политического развития России парламентаризму еще не был подписан смертный приговор. Учитывая, что конституционные идеи были достаточно сильны среди политических партий и течений общественной жизни¹², РСДРП провозгласила ряд общедемократических требований. В частности, была выдвинута задача после революционного свержения монархии конституционно обеспечить всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, а также уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, право пользоваться родным языком. Наряду с этим в Программе партии содержалось требование об учреждении двухгодового парламента и установлении жалованья народным представителям, призванного освободить избранников народа от материальной нужды. “Самодержавие народа” сводилось, по существу, к всеобщему и равному избирательному праву и воплощалось в парламентской демократии. Как писал в это время Я. М. Магизинер, идея самодержавия народа содержит в себе два коренных принципа: один, отрицательный, заключается в решительном и торжественном отрицании самодержавия монарха, другой, положительный, утверждает, что суверенитет принадлежит народу. Самодержавие уничтожается как помеха и посягательство на власть народа, но фактически монархия упраздняется лишь как препятствие для непосредственного господства буржуазии. В этой

⁹ См.: Степанов М. П. К вопросу об истории Программы РСДРП. М., 1947; О Программе КПСС. Сб. ст. Ч. 1. М., 1961; Москалев М. А. Разработка В. И. Лениным Программы Коммунистической партии. М., 1961; Касрадзе К. М. Очерк истории Программы КПСС. М., 1962; Клочко В. Ф. Марксистско-ленинское учение о партии и его развитие в Программах КПСС. М., 1966; Воронович А. А. История Программы КПСС. М., 1979.

¹⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. В 16-ти т. Т. 1. 1898–1917. Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1983. С. 62 (далее – КПСС в резолюциях и решениях...).

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

¹² См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и Всеподданнейшего доклада графа Витте. М., 2001.

связи данная идея “становится тем великим боевым лозунгом, который уже в недрах буржуазного общества создает опорные пункты политического и классового воспитания пролетариата”, и только в будущем обществе “эта идея явится действительной основой всеобщего равенства, свободы и благосостояния”¹³.

Но если в высказываниях молодого ученого было больше романтики, чем научной логики, то РСДРП хорошо сознавала, что путь в “могильщики капитализма” требует расчистки оставшихся от феодализма препон, а потому обещала в будущем конституционное закрепление неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов. В Программе нашла выражение и идея “широкого местного самоуправления, а также областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения”.

РСДРП требовала закрепить в будущей конституции России и определенные гарантии личной свободы и безопасности граждан: неприкосновенность личности и жилища, свободу передвижения и промыслов, отделение церкви от государства и школы от церкви, право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника, ряд демократических принципов организации и деятельности судебных органов.

Не ограничиваясь общедемократическими положениями, заманчиво звучащими для “достаточных” слоев населения, партия выдвинула и такие социальные требования и лозунги, осуществление которых должно было обеспечить “охрану рабочего класса” “от физического и нравственного вырождения”, а также содействовать “развитию его способностей к освободительной борьбе”¹⁴. Речь, в частности, шла об ограничении рабочего дня восьмью часами в сутки для всех наемных рабочих; установлении законом еженедельного отдыха, продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства; полном запрещении сверхурочных работ; воспрещении по общему правилу ночного труда; государственном страховании рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов; воспрещении

выдачи заработной платы товарами и запрете предпринимателям делать денежные вычеты из заработной платы. Привлекательно звучало требование ввести “даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства”¹⁵.

Одновременно предусматривались определенные организационные и юридические гарантии охраны труда и обеспечения его безопасности в форме назначения достаточного количества фабричных инспекторов, надзора органов местного самоуправления за санитарным состоянием отводимых рабочим жилых помещений, учреждения правильно организованного санитарного надзора на всех предприятиях, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни; учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну от рабочих и предпринимателей; учреждения бирж труда; установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

Не обошла вниманием первая Программа и вопрос о создании гарантий для работающих женщин и об охране детского труда. Партия требовала воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16–18 лет) шестью часами; воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма, освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время; устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и освобождения кормящих матерей от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем полчаса.

Социальная структура общества, громадное преобладание крестьянского населения, в поддержке которого нуждалась РСДРП, обусловили то внимание, которое она демонстрировала по отношению к крестьянству. “В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежали непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне” РСДРП требовала прежде всего отмены выкупных и оброчных платежей,

¹³ *Магазинер Я. М.* Самодержавие народа (Опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб., 1905 (1907, 1910). С. 10, 22, 23.

¹⁴ Там же. С. 62, 63.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. С. 62.

а также всяких повинностей, падающих на крестьянство как податное сословие; отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель; возвращении крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей, а также конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, равно как имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной суммой. Партия потребовала обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

Эти меры должны были служить устранению остатков крепостничества и установлению демократии в ее традиционном для Западной Европы понимании в смысле парламентарной республики и общедемократических прав и свобод, а также социальных гарантий в процессе буржуазно-демократического переустройства общества. Но это была лишь ближайшая цель. Большевистская партия во главе с В. И. Лениным рассматривала будущую буржуазно-демократическую революцию лишь в качестве части революционного процесса, программируя дальнейшее его развитие и переход к борьбе за диктатуру пролетариата; что же касается демократических институтов, они выступали не целью, но лишь средствами такой борьбы. Ее конечная цель — победа социалистической революции и установление диктатуры пролетариата для построения социализма (“программа-максимум”).

Таким образом, задолго до пришествия Октября 1917 г. партия большевиков разработала принципиальные политические основы конституционного строительства России, которые развивались и серьезно корректировались под влиянием политической ситуации в обществе и ее теоретического осмысления. Ключевая исходная установка большевистской партии определялась непоколебимой верой во “всеобщий принцип развития” и неизбежность смены формаций, которая осуществляется как революционный переворот в политической надстройке и производственных отношениях. Марксова теория революции большевиками была дополнена тезисом о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих странах или даже в одной стране¹⁶. Соответственно, еще до Октября 1917 г. партия пришла к выводу о необходимости пересмотра своей Программы

в направлении “исправления положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики”¹⁷, которая, по мысли Ленина, должна быть “революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства”. В ней, однако, уже не было места парламентаризму и буржуазно-демократическим правам личности.

* * *

В. И. Ленин писал, что коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве¹⁸, “ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике”¹⁹. Революция была честна. Она действительно законодательно закрепила ряд своих программных положений. Уже в Обращении II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам от 7 ноября (25 октября) 1917 г. декларировался переход государственной власти к “Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок”. Одновременно были определены некоторые основные направления социально-экономического и политического обновления России и решения узловых проблем внутренней и внешней политики нового строя. В частности, Советская власть, подчеркивалось в данном акте, предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит всем населяющим Россию нациям подлинное право на самоопределение, озаботится доставкой в города хлеба и предметов первой необходимости. С учетом популярности идеи созыва Учредительного собрания в Обращении провозглашалось, что Советская власть обеспечит своевременный его созыв.

Мировая война особенно остро поставила вопрос об обеспечении мира. Крестьянство мечтало о земле. “Мир — народам, земля — крестьянам!” — этот лозунг большевистской партии получил широчайший отклик. Не случайно, что именно

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354, 355.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. С. 510.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.

¹⁹ Там же. Т. 34. С. 200.

Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 8 ноября (26 октября) 1917 г., явился первым внешнеполитическим актом Советской власти. Впервые в мировой истории Великое государство обнародовало свою внешнеполитическую платформу, провозгласившую высшей нормой межгосударственных отношений мир и сотрудничество между народами и государствами. Всем воюющим странам и их народам было предложено начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире. Советское государство заявило о своем отказе от агрессивной захватнической войны, которая была объявлена тягчайшим преступлением против человечества, провозгласило право наций на самоопределение, отмену тайной дипломатии и опубликование тайных договоров, неправомерность аннексий и контрибуций. Мировой порядок, в котором сильный мог безнаказанно пожирать слабого, уже не мог остаться прежним.

Одновременно с Декретом о мире был принят Декрет о земле, составленный на основании Крестьянского наказа о земле. В Декрете подчеркивалось: «Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».

По этому Декрету, явившемуся первым актом, направленным на национализацию частной собственности, крестьяне безвозмездно получили 150 млн десятин земли и освободились от уплаты 3 млрд долга банкам и помещикам, а также 700 млн руб. золотом за аренду земли ежегодно. В. И. Ленин имел в этой связи основание сказать: «В крестьянской стране первыми выиграли, больше выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще»²⁰.

Советская власть предприняла ряд законодательных мер общесоциального характера. 11 ноября (29 октября) 1917 г. было принято постановление СНК «О восьмичасовом рабочем дне». В тот же день обнародовано обращение Наркомата просвещения «О народном просвещении», в котором содержалось видение задач государства в области

народного образования. Вскоре было опубликовано правительственное сообщение «О социальном страховании», отразившее рабочие страховые лозунги. ВЦИК утвердил Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов и принял Положение о рабочем контроле и др.

Бесспорно, огромное значение для многонациональной страны, в которой бок о бок проживали 194 национальности, народности и этнические группы, имела Декларация прав народов России от 15(2) ноября 1917 г. Закрепив основные и действительно демократические принципы национальной политики, прежде всего равенство и суверенность народов России и право народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и др.²¹, она способствовала преодолению хаоса, посеянного самой Революцией, объявившей Российской Империю «тюрьмой народов», и заложила основы будущего объединения народов одной шестой части планеты в Великое государство, но одновременно заложила под него сработавшую десятилетия спустя мину.

Таким образом, уже в первых актах Советской власти юридически провозглашались многие политические и социальные требования, содержащиеся в Программе большевиков. Но они касались лишь отдельных аспектов устройства общества. Манифестом нового социального строя, явившимся одновременно концентрированным выражением Великой российской революции, стала принятая в январе 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, подобно тому как манифестом Великой французской революции была Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Но если смысл французской Декларации заключался в утверждении в организации общества персонцентризма, российская Декларация знаменовала пришествие эпохи системцентризма. Именно Декларация 1918 г., включенная позднее в Конституцию РСФСР в качестве ее первого раздела, явилась моделью коллективистской организации социума, которая с фанатичной последовательностью, не терпящей никакого сопротивления и не останавливающейся перед насилием, осуществлялась одержавшей победу партией. За «трудящимся и эксплуатируемым народом» Революция не видела человека в его индивидуальном бытии.

Юридически закрепляя результаты Революции и подводя определенные итоги законодательной

²⁰ Там же. Т. 39. С. 276. См. также: История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917–1927 / Редколл.: Г. В. Шарапов (отв. ред.) [и др.]. М., 1986.

²¹ См.: Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. 1917–1935. М., 1935. С. 30.

деятельности, Декларация объявила Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, закрепила ее федеративное национально-государственное устройство, провозгласила “суверенитет трудящегося народа и устранение от власти эксплуататоров”. Самодержавие народа вылилось в диктатуру пролетариата, далекую от политической буколки, рисовавшейся в недавнем прошлом. В ст. IV Декларации подчеркивалось: “III Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы с эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”²². Именно Советы выступали (во всяком случае на начальном этапе советской государственности) политической формой диктатуры пролетариата.

Декларация подтвердила все ранее предпринятые меры по национализации частной собственности, декреты Советской власти о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства, об образовании Красной Армии и о разоружении имущих классов, развила внешнеполитические установки Советского государства, заложенные в Декрете о мире и др. Одновременно она обладала определенным программным значением, ибо определяла главные задачи деятельности Советов и других государственных органов. Основной задачей Советской власти — как раз в этом она видела рецепт окончательного устройства общества — было провозглашено “уничтожение

эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма”.

Таким образом, законодательство первых восьми месяцев существования Советской Республики конституировало сосредоточение полноты власти в руках Советов, формально выступавших органами пролетарской диктатуры, и легализовало возникновение Советского государства; юридически оформило огосударствление собственности и средств производства и слом существовавшего способа производства; декларировало суверенитет народов России и учредило федерацию; провозгласило мирное сосуществование основной внешней политики Советского государства, закрепило некоторые права и свободы, объем которых находился в прямой зависимости от классовой принадлежности человека, а сами они служили его социализации. Тем самым была подготовлена известная законодательная база для разработки первой Советской Конституции — Конституции РСФСР, которая была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.²³

Она предшествовала второй Программе партии, призванной определить социальные, экономические и политические ориентиры нового этапа исторического развития, что “усилило программно-политическое значение Конституции”²⁴. В ней содержался ответ на “коренной вопрос” Революции. Именно в этот исторический период “были заложены основы и сформирована система всех его важнейших институтов и, следовательно, основы и система советского государственного права как отрасли”²⁵. Как писал в данном контексте автор одного из самых известных курсов советского государственного права А. И. Лепешкин, принцип суверенитета народа теперь воплощен: а) в государственном руководстве советским

²² Собрание узаконений. 1918. № 15. Ст. 215. Цит. по второму изданию Собрания узаконений, ибо в третьем издании данный документ приведен лишь в тексте Конституции РСФСР и в него внесены некоторые поправки и уточнения, в том числе структурного характера (см.: Собрание узаконений. 1918. № 51. Ст. 582).

Принятию Декларации предшествовал роспуск избранного в ноябре 1917 г. Учредительного собрания, отказавшегося обсуждать ее проект, осуществленный Декретом ВЦИК “О роспуске Учредительного собрания” от 6 января 1918 г.: “Учредительное Собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества” (см. подробнее: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997).

²³ См.: *Гурвич Г. С.* История Советской Конституции. М., 1993; *Ронин С. Л.* Первая Советская Конституция (К истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948; *Чугаев Д. А.* Первая Конституция Советского государства. М., 1949; *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года (Изд. 2-е, перераб.) М., 2003.; *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. Изд. 2-е, доп. М., 1987; *Портнов В. П., Славин М. М.* Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917–1920 гг. / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 1987.

²⁴ *Шеремет К. Ф.* Программа КПСС и советская Конституция // Сов. гос. и право. 1986. № 5. С. 6.

²⁵ *Лукьянова Е. А.* Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000. С. 42.

обществом со стороны рабочего класса (его диктатуре); б) в Советах депутатов трудящихся как политической основе государства, как форме организации власти; в) в господстве социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на основные орудия и средства производства, составляющих экономическую основу государственного суверенитета народа; г) в руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в советской государственной системе как важнейшей политической гарантии полновластия народа²⁶.

Иными словами, доведенный до крайности этатизм, заключающийся в абсолютизации роли государства, оказывающего решающее воздействие на все сферы общественной жизни и индивидуальной бытийности человека, который в экономическом материализме получил новое звучание и дополнительное обоснование, оказался легализован в Конституции РСФСР в качестве фундаментального начала устройства нового общества. Он корректировался, но никогда не ставился под сомнение.

Великий порыв к народной свободе сопрягался с восстановлением строя абсолютного государства. Казалось бы, чуждый провозглашенному Революцией принципу свободы, он объективно ферментировался отрицающим индивидуальность человека и частные интересы коллективизмом в его самых гипертрофированных формах, охватывавших социально-политическую и духовно-культурную сферы, и государственным социализмом, покрывавшим всю экономическую сферу. Для гражданского общества места не оставалось.

Удивительную метаморфозу претерпел сам принцип “самодержавия народа”, который в Программе РСДРП означал парламентскую республику. Теперь В. И. Ленин, подобно провозвестникам Великой французской революции и следуя примеру Парижской коммуны, резко выступал против парламентаризма, которому противопоставлял Советы — “максимум демократизма для рабочих и крестьян”. В них он видел “возникновение *нового*, всемирно-исторического, типа демократии, а именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата”²⁷. Тем самым между демократией в ее истолковании на первом этапе советского строительства и диктатурой был поставлен знак равенства; отвлеченные начала свободы и равенства в их традиционном понимании,

провозглашавшиеся на заре большевизма, потерпели поражение в столкновении с логикой классовой борьбы. “Самодержавие” народа оказалось в западне диктатуры пролетариата²⁸. Именно этой логикой “самодержавия народного суверенитета”, теперь враждебного представительному правлению и тем одинаково созвучной “Общественному договору” Руссо и опыту Парижской коммуны, была продиктована ст. 10 Конституции РСФСР 1918 г., согласно которой власть принадлежит “всему рабочему населению страны”.

В политической сфере демократия социализма не смогла предложить “трудящемуся и эксплуатируемому народу” ничего, кроме делегации своего суверенитета Советам, которые квалифицировались как политическая основа государства, хотя в партийном по своей природе государстве они были не более чем инструментом реализации партийной политики. При этом такая делегация, формой которой выступали плебисцитарные выборы, была дополнена институтом отзыва делегатов (депутатов), что в практике советского периода отечественной государственности оказалось превосходным инструментом обеспечения политической лояльности депутатского корпуса и утверждения монопартийности, ибо исключало из публично-властной сферы всякое инакомыслие.

В сфере экономики основным конституционным принципом экономического регулирования стало “установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей”, вылившееся в строжайшую экономическую централизацию. Государственное управление производством и распределением отдельной личности, ее инициативе и предприимчивости в этих отношениях места не оставляло. Во взаимоотношениях с всесильным государством она оказывалась незначительной величиной, над которой всецело властвует государство.

²⁸ Осознанию истинного смысла языка эпохи помогает замечание английского философа и писателя Б. Рассела, посетившего Советскую Россию в 1920 г.: «Когда русский коммунист говорит о “диктатуре”, он понимает это слово буквально, но когда он говорит о “пролетариате”, то использует это слово в некоем “пиквикском смысле”, то есть в отличном от общепринятого смысла». «Он имеет при этом в виду “классово сознательную часть пролетариата, т.е. коммунистическую партию»» (см.: *Рассел Б. Практика и теория большевизма* / Пер. с англ. // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. Сб. / Сост.: И. Б. Борисов и др.; под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева и И. Б. Борисова. М., 2010. С. 522, 523).

²⁶ См.: *Лепешкин А. И.* Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961. С. 182.

²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

Именно гипертрофия коллективного начала в организации социума и вынужденная покорность человека материальным условиям жизни обуславливали ничтожность личного начала и нивелировку индивидуальности по общему шаблону. Государственная организация производства и распределения продуктов стала безмерным источником власти государства, которое своим воздействием покрыло все сферы общественной жизни.

Системоцентристская модель организации общества, сформированная социальной практикой Революции, не могла ограничиться обобщением собственности или строго иерархической организацией политической системы. Ее функционирование требовало одномерности духовно-культурной сферы, будь то политические взгляды, философия, литература, искусство и проч. Большевицкая партия отдавала себе отчет, что сознание определяет бытие ничуть не меньше, чем бытие определяет сознание. Идеальное устройство общества, образующего живой организм, требовало унификации общественного сознания и подавления человеческой субъективности. В результате — насильственная высылка из страны осенью 1922 г. деятелей науки, искусства, литературы (“философские пароходы”), не разделявших идеологических постулатов большевизма, гонения на церковь, культурная революция, эзотерика которой заключалась в подчинении общественного сознания марксистской идеологии. *Tabula rasa* народного сознания не может быть испорчена чуждыми духу Революции письменами.

Утверждению идеологического монизма активно служила находившаяся в процессе становления юриспруденция социализма. Огромный пласт мировой и отечественной гуманистической правовой мысли в лице ее самых видных представителей оказался отвергнут и предан забвению. Рядом с одержавшим победу мировоззрением, явившимся основанием “высшего типа государства и права”, не нашлось места для естественно-правовой теории с ее обоснованием врожденных прав человека, равно как для теории правового государства или верховенства права, которые могли бы поставить под сомнение самое фундаментальное основание Советского государства — диктатуру пролетариата.

Именно она выступала главным средством социального переустройства общества на новых (разумеется, единственно справедливых) началах. В ленинской интерпретации государство диктатуры пролетариата есть “централизованная организация силы, организация насилия”,

необходимая “для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариатом” в деле “налаживания социалистического хозяйства”.

Диктатура как нельзя лучше выражала природу большевицкой интерпретации теории научного социализма на этапе ее практической реализации. Но она отражала и социокультурный опыт самой России, умноженный принципом “демократического централизма”, заимствованным Советским государством из опыта партии большевиков. Самодержавие монарха в конечном счете трансформировалось в самодержавие вождя. Что же касается народа, в действительности он стал объектом небывалого социального эксперимента по “единственно верному и окончательному устройству общества”²⁹.

Революция, провозглашавшая высокие цели, пришла к установлению тирании. Власть, не связанная законом и правом, и личность как правовое ничто на десятилетия предопределили характер взаимоотношений государства и человека, лишенного своей индивидуальности. Несомненно, в этом была и предопределенная эпохой жестокая логика социального противостояния. Порядок, которым Россия жила столетия, не мог сдаться без сопротивления. Братоубийственная Гражданская война и иностранная военная интервенция, сопровождавшиеся коллапсом экономики, грозили гибелью не только созданным Революцией учреждениям, но и самому принципу государственной бытийности России. Время и обстоятельства требовали сосредоточения власти. Диктатура, суровая, замешанная на крови, не приемлющая традиционных демократических институтов властвования, рассматривалась партией большевиков в качестве единственного способа подавления внутренних врагов и отпора смертельной для отечественной государственности опасности извне.

²⁹ В.И. Ленин вопреки активно эксплуатировавшемуся в период борьбы с “культом личности” тезису о “чуждости марксизму-ленинизму культа личности”, его “противоречии природе социалистического строя” (см.: постановление ЦК КПСС “О преодолении культа личности и его последствий” // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. С. 11–129) решительно опроверг “очень распространенное мнение”, будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 198, 199.). Напротив, волю класса “иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим” (см.: там же. С. 200, 201). См. также: *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

* * *

В. И. Ленин никогда не писал о правах человека. Соответственно, данное понятие не было известно конституционным актам Революции. И это не случайность, но результат глубокого осмысления большевистской партией феномена Нового времени, которому в системе преследуемых Революцией целей и декларируемых ею ценностей действительно не было места. Как известно, в практическом конституционализме права человека неразрывно связаны с индивидуализмом как основой государственного устройства общества, в котором сильный пожирает слабого, и выдвинутым демократическими революциями XVII–XVIII вв. принципом правового государства, власть которого ограничена правами человека. Ими очерчиваются пространство индивидуальной автономии личности и пределы, в которые публичная власть не вправе вторгаться без риска оказаться перед судом, который своим воздействием покрывает всю публичную сферу³⁰.

Что же касается учения научного социализма, как и иных коллективистских концепций, при всей разности их исходных позиций и предлагаемых решений они были едины в признании свободы личности лишь частью свободы, которой располагает общество в целом: “Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя”³¹. Именно общество является единственным источником права. Что же касается отдельного человека — он получает свои права от общества, которое, посредством государства даровав индивиду права, может в любой момент отнять их.

Человеку не были оставлены даже самые затаенные уголки, включая семью и брак. Абсолютный монарх уступил место государству без меры и границ. Субъектами свободы стали коллектив, общество, государство. Что же касается личности, ее ценность определялась лишь исполнением возложенной на нее социальной функции, выполнение которой должно было обеспечиваться всей мощью государства. Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Право свободно думать и право творить свободу, устанавливая ее границы, новый общественный строй всецело оставлял на усмотрение власти; общество должно было удовлетворяться равенством в отношении средств производства и справедливостью

в распределении социальных и материальных благ в понимании этого строя.

В понимании В. И. Ленина права и свободы носили классовый, а не общечеловеческий характер. Соответственно, написанный им важнейший акт, сформулировавший фундаментальные начала государственности нового типа, назывался Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Причем логика классовой борьбы, составлявшая идейное основание Революции, четко определяла содержание понятия “народ” и границы распространения прав и свобод — трудящийся или эксплуататор. Как раз в этой связи закономерно, что Программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в 1919 г., решительно отвергла “глубоко вкоренившиеся предрассудки насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод”. Вместе с “программой-минимум”, существенную часть которой составляли эти права и свободы, они остались в прошлом. Демократия, говорилось в новой партийной Программе, была и остается классовым явлением, служит интересам определенного класса или классов и социальных групп. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о “чистой демократии”, пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии»³².

Революции были чужды представления о возможности иной свободы, кроме той, которая состоит в неограниченном подчинении индивида общей воле народа. Свобода выбора уступила место свободе долженствования.

Эти представления выводились из принципа “самодержавия народа” и способа производства и формы собственности, которые пришли на смену капитализму и не порождали теперь антагонизма между носителями прав. Основой юридического равенства сочленов общества является теперь не равное достоинство людей, из которого проистекают гражданские и политические права, но революционное преодоление антагонизма между трудом и капиталом и равенство в отношении средств производства.

Именно этой логикой классового противостояния предопределялось решение Конституцией вопроса о равенстве. Притом, однако, что наша история так распорядилась, что Россия, оставшаяся за пределами воздействия конституционных идей Французской революции в части равенства граждан перед законом и судом, вплоть до Великой российской революции 1917 г. сохраняла

³⁰ См.: *Эбзеев Б. С.* Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты // *Гос. и право.* 2016. № 10.

³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

³² КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 76.

сословное деление, сложившееся в феодальную эпоху. Одним из первых актов Советской власти явился Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11(24) ноября 1917 г., которым “все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно все гражданские чины” были “упразднены”. “Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики”. Конституция особо оговорила равноправие граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, запретила установление или допущение каких-либо привилегий на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

Однако Революция, в отличие от своей французской предшественницы, не ограничилась упразднением сословного деления общества и провозглашением равенства гражданского состояния трудящихся. В марксистско-ленинском понимании равенство подчинено социальной необходимости точно так же, как и свобода. Оно связано не только с действующим правопорядком, но и с экономической основой, на которой базируется общество, его политическим устройством и духовно-культурными принципами. Революция видела свою задачу не “просто” в утверждении равенства прав, т.е. утверждении равного политического и социального значения трудящихся, но в упразднении социального неравенства, требующего революционного преодоления противоречия между трудом и капиталом. Только упразднение частной собственности приведет к освобождению всего общества от порождаемой ею эксплуатации и на место формального равенства сочленов общества как участников гражданского оборота привнесет действительное равенство общественного положения.

Именно российская Революция впервые в европейском конституционализме поставила проблему равенства в ее социально-экономическом контексте и тем самым оказала существенное влияние на развитие европейского и глобального конституционализма. Не ограничиваясь сферой правопорядка, она распространила категорию равенства на экономическую и производные от нее сферы. Но, если для предтеч Великой французской революции дорога к равенству перед

законом и судом лежала через развалины сословного строя и цеховщины и ограничивалась ею, не ставя при этом под сомнение классовое расслоение общества, организаторы Великой российской революции основанием, на котором формируется социальное равенство, считали ликвидацию самого института частной собственности и преодоление классового расслоения общества. Как писал в данном контексте В. И. Ленин, “равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка”³³.

В этой связи Конституция делала акцент на равенство прав граждан в их отношении к средствам производства. Она не ставила под сомнение принцип равенства прав трудящихся, а также равенства обязанностей для всех, которое отягощалось дополнительными повинностями для нетрудящихся, но считала его лишь частью общего принципа равенства прав “трудящегося и эксплуатируемого народа” во всех сферах жизни общества; при этом грань между правом как возможностью и его осуществлением благодаря материальным и политическим гарантиям во многом преодолевается. Тем самым принципиально обновляется природа конституционных прав. Права граждан в Конституции РСФСР выступали не пределами свободы индивида, которые ненарушимы государством. Это — не права защиты от государства, но программа участия их носителя в преобразовании условий общественной жизни и форма такого участия. Одновременно в этих правах, образующих единство с их обязанностями перед обществом, выражалась также ответственность за все дела общества; они были направлены на установление новой системы общественных связей³⁴.

На этом социально-экономическом и юридическом фундаменте возвышался институт основных прав граждан. Они были закреплены во втором разделе Конституции “Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики”. При чем такому закреплению предшествовала острая борьба между членами Конституционной комиссии. В частности, М. А. Рейснер, под редакторством которого был разработан один из проектов Основного Закона, вошедший в окончательный

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 353.

³⁴ См.: Ханай Г. Социальное право и личность / Пер. с нем. М., 1971. С. 251.

вариант Конституции, писал в этот исторический период: “Советская Конституция не должна содержать перечня прав граждан; если трудовой народ находится у власти, то ясно, что он использует эту власть в своих интересах”³⁵. Иными словами, свобода участия в осуществлении общественно необходимого не нуждается в субъективных правах.

Таким образом, общество — цель, индивид — средство. Он не может быть вооружен субъективными правами против общества как целостного социального организма, в котором сам занимает отведенное ему место и выполняет уготованную социальную роль. “Трудовой народ” имеет право “на все”. Одновременно являясь носителем суверенитета и объектом властвования, он не нуждается в защите себя от самого себя же как носителя власти.

Характерный для эпохи органицизм, нашедший благодатную почву в доведенном до крайности коллективизме и идеологеме марксизма о неизбежном отмирании государства, одержал победу и в части конституционного устройства статуса личности. Конституционные права как выражение свободы в традиционном для индустриального общества понимании как свободы человека в его индивидуальном самоопределении и гарантии от государственного вмешательства в индивидуальную автономию личности, как это провозглашалось в Программе РСДРП, уже не вписывались в привнесенный Великой российской революцией тип взаимодействия индивида и общества.

Как с удовлетворением писал один из исследователей той эпохи, “по вопросу о субъектах прав” Советское государство “отбрасывает прежде всего основное положение буржуазной науки о прирожденных, естественных правах личности и о противополжении личности государству”. И далее, касаясь гражданского законодательства, составляющего краеугольную нормативную базу гражданского общества, подчеркивал, что советское законодательство предоставляет всем гражданам правоспособность “в целях развития производительных сил страны. Следовательно, государство наделяет отдельную личность правами не в интересах личности, а в интересах всего рабоче-крестьянского коллектива в целом”³⁶. Тем самым гражданскому обществу

как заповедной для государства сфере отношений места в такой демократии не было: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»³⁷. В связи с таким видением вопрос об ограничении государства или его самоограничении даже не вставал. Власть была открыта неограниченный простор для использования до конца своего фактического и юридического потенциала. А предостережение Н.А. Бердяева, что “в якобинской демократии, вдохновленной Руссо, может утверждаться принцип тоталитарного государства, самодержавие народного суверенитета”³⁸, не могло быть услышано.

Отрицание естественных прав человека, неотчуждаемых и неприкосновенных для государства, привело к отказу от признания за провозглашенными в Конституции публичными правами субъективной природы. Основные права гражданина с этой точки зрения есть не субъективные, а рефлексивные права, т.е. результат объективного права, очерчивающего пределы компетенции государственной власти; следовательно, юридическая конструкция конституционных прав призвана из объективных абстрактных правовых норм, закрепленных в Конституции, вывести права и полномочия государственной власти и границы ее вторжения в сферу человеческой бытийности, но не запреты и ограничения для государства. Все соединено в законодательной власти. Именно она устанавливает эти границы по собственному произволению, не подлежащему контролю суда, ибо в противном случае суд был бы поставлен выше народа, воля которого воплощена в законодательной власти.

Таким образом, Конституция РСФСР только на первый взгляд закрепила основные положения и демократические требования, заложенные в первой Программе партии. В действительности в понятие “конституционное право” вкладывался принципиально иной смысл. Ее второй раздел открывался ст. 9, согласно которой основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства “в виде мощной все-русской Советской власти” — сила шла впереди права. Именно она была признана главным средством реализации тех социальных целей и задач, которые стояли перед обществом. Таковыми целями выступали: полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека

³⁵ Цит. по: *Куприц Н.Я.* Из истории науки советского государственного права. М., 1971. С. 65; *Гойхбарг А.Г.* Основы частного имущественного права (Очерки). М., 1924. С. 12–14.

³⁶ *Бабун Р.* Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. С. 111.

³⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

³⁸ *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности. Избр. тр. М., 1999. С. 79.

человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

Именно эта фундаментальная для нового строя установка оказывала определяющее влияние на природу и номенклатуру закрепленных в Конституции прав и свобод и их нормативное содержание, включая состав правомочий и уровень гарантированности. Источником прав выступало не человеческое достоинство, а диктатура в форме Советской власти, для которой классовая принадлежность имела самое важное критериальное значение для установления конституционно-го статуса гражданина. Как гласила ст. 23 Конституции РСФСР, “руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции”. Только “трудящиеся” участвовали в осуществлении государственной власти и управления, только им обеспечивалась свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и др. Только “трудящимся” было предоставлено почетное право защищать революцию с оружием в руках, а на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей. Цитируя эту статью, В. И. Ленин говорил: “Мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции”³⁹.

Интересами диктатуры пролетариата оправдывалось закрепление в Конституции многоступенных, неравных и открытых выборов, служивших одной из форм подавления политических противников, между тем как в первой Программе партии содержалось требование всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Некоторые категории граждан (лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли или живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений и т.п.) вообще не могли избирать или быть избранными. За рабочими были закреплены определенные (не столь значительные, как кажется на первый взгляд, имея в виду многодетность крестьянских семей) преимущества в избирательных правах. Так, Всероссийский съезд Советов

составлялся из представителей городских Советов по расчету: один депутат на 25 тыс. избирателей и из представителей губернских съездов Советов по расчету: один депутат на 125 тыс. жителей. Преимущество рабочего класса обеспечивалось и при формировании нижестоящих Советов.

Последовательно проводимое Конституцией системоцентристское понимание свободы и вера в государственный социализм, основанные на убеждении в решающей роли государства в организации экономики, социальной и духовно-культурной сфер, привели к конституированию основополагающих принципов социально-экономической политики и государственного патернализма. Рефлексией такого конструирования явилось закрепление в Основном Законе Советской России некоторых позитивных экономических, социальных и культурных основных прав. Принципиальная новизна этой модели заключалась в понимании свободы индивида как его участия в созидании нового общества, а самих прав и свобод — как средства социализации индивида. Этим, с одной стороны, предопределялось содержание указанных прав и механизма их реализации, в системе гарантий которой доминирует обязанность государства предоставить носителю прав материальное обеспечение, а не суд; с другой — исключался конфликт между “государственным интересом” и индивидуальной свободой.

Как ни утопично с высоты сегодняшнего дня выглядело это понимание, движимое верой в скорое преобразование социального мира и человеческой души, само провозглашение Революцией социально-экономических прав в их позитивном значении оказало несомненное и весьма существенное влияние на развитие транснационального конституционализма. Во многом именно оно подвигло европейский мир на путь социальных реформ. Оно же положило начало конституционализации прав “второго поколения”, которые в современном мире составляют каталог “социальных естественных прав”, получивших всемирное признание.

* * *

Теоретики социализма в России создали из него строгую и суровую доктрину, синтезировавшую взгляды европейской социальной науки, представления революционного народничества и опыт социокультурного развития самой России и проникнутую самопожертвованием и лишениями во имя революционного переустройства общества. Они смотрели на человека и сам народ как на собственность государства, в котором,

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 294; Т. 37. С. 392.

однако, не было места для старого хлама “буржуазно”-демократических прав и свобод, принципов верховенства права или правового государства, которые уже в тот исторический период на фоне возрождения естественного права обретали характер императива эпохи.

В этом была своя особая логика, продиктованная социальной необходимостью. Если воздержаться от следования распространенному обычаю судить о прошлом с позиции современных идеалов, следует признать, что именно такая практика государственного строительства, суровая и часто жестокая, требующая отказа от частных интересов во имя государства и добивающаяся этого силой, способствовала сохранению отечественной государственности, ибо более всего служила формированию солидарных интересов различных общественных групп.

В короткий исторический срок Революция добилась выдающихся результатов в экономической, социальной и духовно-культурной сферах. Но даже самые выдающиеся из творцов Революции не предвидели, что как раз в отказе от личностного начала в организации социума и гипертрофии коллективизма, не оставляющего места индивидуальности, заключается причина будущего поражения того великого социального эксперимента, который теоретически обосновывался в их трудах.

Несомненно, доктрина социализма, вдохновлявшая ее приверженцев на Революцию, в своем историческом развитии претерпела существенные изменения, ибо законы естественноисторического эволюционного развития непременно пробивают себе дорогу. По мере того как созданное Революцией абсолютное государство без меры и границ уступало место сравнительно умеренной государственности с менее сосредоточенной властью, в общественном сознании происходили размывание ее коллективистской основы и привнесение в общество уважения к индивидуальности человека и его интересам.

Социализм на более поздних этапах своего развития не мог не считаться с потребностью в свободе, а само государство, изначально выступавшее в качестве средства тотального контроля и принуждения во имя выраженного в идеологии социализма общего блага, в общественном сознании стало слугой, ответственным за равенство граждан в их социальном и материальном благополучии. Но более умеренные начала, привнесенные в политическую систему нашей страны на волне разоблачений “культ личности”, оказались не в состоянии дать большую прочность конституционным учреждениям и застывшим в своем развитии институциональным формам. Объективная необходимость поиска новых соотношений между коллективным и индивидуальным, обусловленная ростом благосостояния людей, развитием образования и культуры, научно-технической революцией и становлением информационного общества, была проигнорирована. Общество оказалось в той точке, за которой начиналась нисходящая линия его развития. В результате КПСС утратила монопольное право на истину, а изначально нереалистичный проект построения коммунизма в течение двух десятилетий постепенно разрушил в общественном сознании саму идею. Мертворожденной оказалась и теория развитого социализма, составившая концептуальную основу Конституции СССР 1977 г.

Утрата цели, способной подчинить общественные процессы ее достижению, привела к вырождению авторитарной системы управления обществом; система, десятилетиями занимавшаяся мобилизацией народа на выполнение задач социально-экономического и политического развития, оказалась неспособной адекватно ответить на потребности общества и вызовы глобальной конкурентной борьбы. Доминировавшее в обществе глухое, но сильное желание иного порядка вещей и общественная атмосфера, отравленная ядом нигилизма, привели к крушению теории и практики социализма в СССР, а бесталанность собственного руководства, жадность, подлость и предательство погубили Великое государство.